



## Долгожданная встреча

[Эмма Рейтер](#)

Глава первая.

**Последняя командировка.**

Генрих едва дождался утра. Как только забрезжил свет, усевшись поближе к окну, он с большим интересом принялся вглядываться в каждый предмет, мелькающий за окном. Скорый поезд « Берлин - Москва» нёсся со скоростью ветра. Солнце нехотя поднималось над полями, укутанными лёгким туманом, и прокалывало своими, до боли в глазах, яркими лучами не густой лесок, тянувшийся вдоль путей. Стояла сухая, жёлто-оранжевая осень. Разодев всю природу в самые яркие наряды, она веером простиралась по всем странам от Запада на Восток. Генрих с улыбкой подумал, « вот кому не нужны ни границы, ни визы, сама себе хозяйка».

Ещё месяц назад, оформляя командировку в Советский Союз, на Урал, он подумал о том, что, наконец, это будет последняя его командировка перед выходом на заслуженный отдых, наверное, можно будет съездить по пути туда, где прошли его молодые годы в ссылке после трудармии, где осталась его любимая женщина и дочь. Он не сомневался в том, что она выросла без него, и что помнит о нём и надеялся на встречу с ними. Конечно, встреча может получиться нерадостной, потому что прошло уже больше тридцати лет, как он, воссоединившись со своими родственниками в Германии, которые сами его разыскали через Красный Крест, обосновался на родине предков. И он всё это время ничего о них не знал, потому что переписку вести не разрешали, особенно противился СССР, потому что Генрих жил в ФРГ.

Генрих прошёл до двери, взял свои принадлежности для туалета и тихонько, чтобы

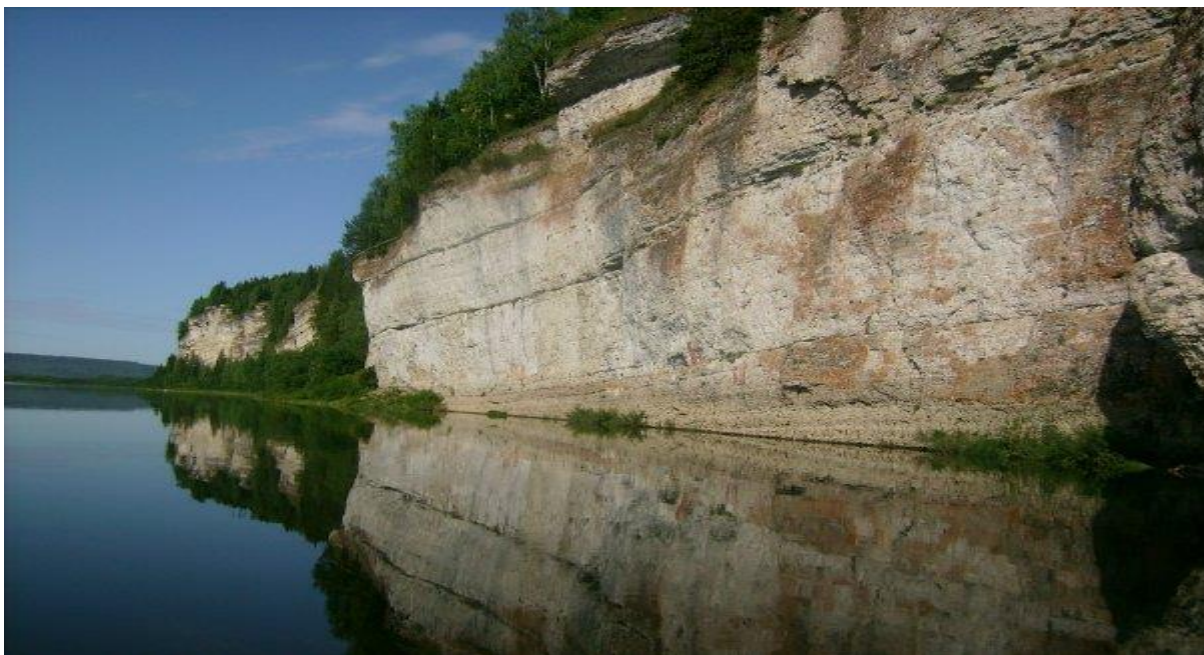
не разбудить соседей по купе, вышел в коридор и направился в конец вагона. В тамбуре, у туалета, обычной очереди ещё не было, и Генрих без заминки принял все утренние процедуры. Вернувшись в купе, он снова сел у окна и продолжил разглядывать природу. Солнце уже довольно высоко поднялось над горизонтом. Туман совсем рассеялся, только ещё в ложбинках, цепляясь за кусты, тянулся его рваный шлейф. День обещал быть погожим и солнечным. Осень благоухала во всей красе. Она разлила палитру своих уникальных красок по всем перелескам и полям, где уже был убран урожай и местами вспахана зябь.

## Глава 2.

## Урал.

Внезапно Генрих погрузился в воспоминания. Он представил ту деревню, Писаное, куда их привезли после трудармии в 1945 году. Это была красивая деревня, стоявшая на крутом берегу большой реки Вишеры. Деревня, как по линейке была расчерчена на квадраты, между которыми пролегли широкие улицы. В каждом квадрате стояло по четыре избы, которые лицевой стороной выходили на улицу, а на задах граничили огородами, площадью примерно по десять соток. Эту особенность Генрих заметил ещё с баржи, на которой их привезли сюда. Видно, кто-то в деревне следил за порядком, и дома ставили по определённому плану. Это встречалось очень редко, и именно здесь, на Урале. А деревенька чем-то очень напоминала ему его родное село Куттер, которое находилось в Поволжье. И река там была Большой Карамыш, также по весне разливавшаяся с размахом, захватывая все поля и берега.

Полуглиссер, откровенно надрываясь, тяжело тащил баржу с поселенцами. Река плавно катила свои тёмно - мармеладные воды. Красота! «Наверное, рыбы в ней тонны», - подумал Генрих, и поделился своими мыслями с рядом стоящим Якобом Миллером. Перевесившись за борт, они ещё долго наблюдали за косяком рыбы, который игриво скользил параллельно баржи и, то приближался, то отдалялся. Несколько смелых рыбёшек успевали выскочить из косяка собратьев и, как бы приветствуя новосёлов, резко падали в тёмные воды.



Река Вишера. Писаный камень.

Ещё поразила Генриха и всех его друзей величественная, девственная тайга, которая простиралась на многие сотни километров вглубь массива. Где она заканчивалась? Может, за теми высоченными горными хребтами или шла дальше, в Сибирь? А, может быть, и до Колымы? Она поражала своими площадями и страшила. Да, им придётся с ней подружиться на долгие годы. Одним она станет навечно второй родиной, другим просто могилой. Многие заведут здесь семьи и «пустят корни». В 1948 году некоторым «пришьют» статью «вечного поселения, без права возврата на родину». Но, после выхода Указа о снятии надзора комендатуры в 1956 году, почти все, со своими семьями смогут выехать в места депортации. Кто уедет в Оренбургскую область, кто на Алтай, кто в Казахстан и на Кавказ, кто в Киргизию и на Украину.

### Глава 3.

### По Белоруссии.

Утонув в своих воспоминаниях, Генрих совсем не заметил, как поезд подъехал к Минску. В вагоне стали просыпаться соседки и ему пришлось выйти в коридор, чтобы те смогли одеться. Молоденькая проводница, с красивой улыбкой, вежливо предлагала всем горячий, ароматный чай. Но многие ринулись на перрон, чтобы успеть в буфеты чего-нибудь подкупить съестного, так как остановка была целых полчаса. Генрих тоже вышел. Он никогда не покупал ничего в пути следования, тем более на перронах. Это было его правилом. Еду ему собирала всегда жена, знавшая все его вкусы и то, что он страдал болезнью желудка. Пройдясь по перрону в оба конца, Генрих поднялся на переходной мост и заметил, как красив и чист город. Он весь утопал в ярких осенних скверах и парках. После войны его почти заново восстановили, и он стал ещё красивее.

Полчаса пролетели мгновенно. Раздался сигнал к посадке и Генрих вернулся в вагон, в своё купе. Его соседки завтракали и мило беседовали о своём. Он поднялся на вторую полку и улёгся так, чтобы было видно в окно всё, что возможно. Соседки громко разговаривали и заливисто смеялись. «О чём можно столько говорить? - подумал Генрих, - ведь есть много интересного, чем можно заняться в дороге и не мешать другим». Но его мысли остались при нём, их никто не расслышал. Он повернулся к стене и незаметно уснул.

От внезапного толчка Генрих проснулся. Это была остановка в Орше. Вечерело. Он заметил, что соседок и их вещей нет. Значит, здесь они вышли. Теперь будет в купе полная тишина, и он сможет весь вечер посвятить воспоминаниям, которые радовали его и в тоже время тревожили. Поезд тронулся, уносясь в ночь, отстукивая колёсами красивую чечётку. Генрих поужинал и опять углубился в свои мысли. Мимо проплывали одиночные огоньки маленьких разъездов и полустанков. Изредка появлялись реденькие лесопосадки, которые тянулись чёрным пологом за поездом. Небо распростёрло свой бархатно-фиолетовый шатёр, густо усыпанное, как алмазами, яркими звёздами. Тоненький, совсем молодой месяц разыгрался в прятки. Он, то гнался за поездом, временами пропадая за поворотами, то выныривал совсем рядом и, зависая над окном, как будто, заглядывал в него. Его чистая, неоновая голубизна, окаймлённая оранжевым ореолом, казалась дышащей, живой. И весь он так сиял, будто эта игра ему была в радость. Красота была загадочной и завораживающей.

Генриху редко удавалось смотреть на такое сказочное небо. Последнее время участились авралы на работе, которые выматывали и грозили остановкой завода. Не хватало комплектующих деталей и механизмов, которые поставляла Россия и Казахстан. Перестройка и развал СССР отражались на всех связующих звеньях, вплоть до дальнего зарубежья. Завод, где работал Генрих заместителем директора по комплектации и



связям, заметно лихорадило, и он подходил к стадии банкротства. Надо было спасать положение и Генриха командировали на поездку в Россию для перезаключения договоров, с уже сформированными предприятиями после приватизации. Он ехал на Урал, в Пермь. И, если он плодотворно поработает, может сэкономить дня два-три и съездить в места его ссылки.

#### Глава 4.

#### Трудармия.

В Ульяновский ГУ ИТЛ НКВД ЖД Генрих прибыл 20 августа 1942г. из-под Барнаула, из села Косиха, куда была депортирована их семья из Поволжья. Он вместе с другими мобилизованными и репрессированными немцами ехал трое суток в сыром и холодном «телятнике». Условия были ужасные. Посередине вагона стояла маленькая железная печь, которая топилась различным хламом, собранным на длительных стоянках. По обоим концам вагона возвышались большие деревянные бочки с несвежей водой. Видимо, эти бочки были из-под селёдки и квашеной капусты, и совсем не вымытые, поэтому вода в них быстро затухала и противно пахла. Но приходилось пить и такую. Два раза в день раздавали овсяную и гороховую кашу. «Туалет», в виде прорубленного в полу квадрата, находился в левом углу вагона и был отгорожен куском старого хоста. С торцов вагона и вдоль стен были сколочены двухъярусные нары, на которых поочередно спали «новобранцы». По прибытии на станцию их построили колоннами и пешком повели до пункта назначения. Прошли километров семь, пока появились странные постройки. Вся территория была обнесена в три ряда колючкой проволокой. По углам стояли вышки. На центральной стороне возвышались огромные железные ворота, увешенные различными лозунгами, призывающими трудиться на благо Родины и для победы.



Лагерь под г. Ульяновском в совхозе имени «Сакко и Ванцетти».

На самой территории, по обе стороны дороги, которая тянулась по центру, располагались тридцать длинных домов, с каждой стороны по пятнадцать. Это были бараки, приготовленные для «новобранцев». В эти бараки набивали по 200-250 человек, мобилизованных в трудовые колонны советских немцев, где они проживали в жутких условиях, в каких не на каждой ферме содержался в те времена скот. Это был лагерь в составе НКВД, карающей структуры СССР.

Воспоминания уводили Генриха вглубь тех ужасных времён. Давненько не было повода для таких, не дающих покоя воспоминаний. Напрасно он пытался отогнать эти мысли. Они как будто выстроились в очередь, и каждая желала проскочить, опережая другую, и потренькать на струнах его души. Но он решил всё выстроить по порядку, чтобы воспоминания не нагромождались хаотично, а плавно переходили одно из другого. Постепенно он успокоился. Заняться чем-то другим он уже не мог. Попугчиков к нему не подсаживали. Он был даже рад, что некому будет мешать ему в его раздумьях, которые уже поглотили его полностью.

## Глава 5.

### Михаил и Марьюшка.

Внезапно ему показалось лицо Марьюшки, проплывающее за окном и не отстающим от поезда. Оно, то растворялось, то вновь появлялось с обворожительной улыбкой, будто звало его к себе, за окно. Генрих припал к стеклу и даже решил опустить окно, чтобы позвать Марьюшку, но вовремя одумался, поняв, что это могло ему показаться из-за нескончаемых воспоминаний о прошлом и, возможно, о предстоящей встрече. Видение также исчезло, как и появилось. Генрих подумал: «бедная моя Марьюшка, как ты прожила все эти годы? Как ты сейчас выглядишь? Узнаем ли мы друг друга? Кем стала наша дочь? Её ты назвала Галинкой. А я её так и не увидел. Да... много утекло воды».

Марья до войны была замужем. Муж, Михаил, работал в рыбацкой артели бригадиром и слыл отменным хозяином. У них была добротная изба, земли двенадцать соток, большой двор, корова, овцы, свинья и куры. Было у них две дочки: Василиса и Валюша. Но в 39-м году началась война с белофиннами и Михаила забрали на фронт. Вернулся он через год по ранению. А в 41-м опять война, Отечественная, Гитлер напал без предупреждения. К тому времени он захватил уже все страны Европы и решил покорить Советский Союз. Михаила призвали сразу и ещё человек восемь. Провожали их всей деревней. Толпа молча спускалась с крутояра к реке. Михаил нёс на загровке четырёхлетнюю дочь Василису, а Валюшка, постарше, бежала рядом с Марьей, которая донашивала третье дитё. Все попрощались с Михаилом. Он нежно и бережно обнимал безутешно плакавшую Марью. Говорил ей, чтобы берегла детей и, если родится сын, чтобы назвала Николаем. Это расставание не обещало встречи. Михаил, крепко поцеловал жену, резко оторвался от неё и сел в лодку. На сборный пункт новобранцев, для дальнейшей отправки на фронт, сопровождал дед Иван Лукич.

Михаил не вернулся. Он погиб под Ленинградом, в бою за станцию Медвежья гора, где и похоронен в братской могиле. Там сейчас стоит памятник и стела с высеченными именами всех погибших. Через два месяца после проводов Михаила Марья родила сыночка. Назвала его Николаем, как и просил Михаил.

Похоронка на Михаила до Марьи не дошла, где-то её «утеряли». Но слух по деревне шёл, что Михаил погиб, значит, извещение приходило в сельсовет. Земля слухами полнится, зря наговаривать не станут. Марьюшке извещение не передали. А раз нет бумажного подтверждения, то и помощь от государства не получала. А, вдруг, говорили в сельсовете, он дезертировал? Так Марьюшка и растила троих детей одна, да ещё старая свекровь в привесок. Но бабка Васса вынянчила ей деток, ходила ещё и за скотом, по грибы, да по ягоды бегала в лес с внуками. А Марья работала в колхозе на разных работах, а зимой на заготовке леса. В деревне была школа в три класса. В 1943 году в школу пошла Валюшка, а в 1944-м и Василисушка. Девчонки были бойкие, смекалистые, учились хорошо. К четырём годам и Колю научили читать.

Ночами Марьюшка хорошо орошала слезами подушку. Свекровь видела её тревогу и переживания, что семья осталась без помощи, что какая-то недосказанность повисла над семьёй. Уставшей Марье от физических работ и домашних хлопот, свекровь старалась больше выделить времени на отдых. Почти все заботы по дому и присмотром за внуками она взяла на себя. Длинными, зимними вечерами она пряла, вязала варежки и носки для отправки на фронт. Всегда приговаривала: « Миша не носил, так пушшай чей-то сынок согреется». Внуки очень обожали свою бабу Вассу. Она, как добрая волшебница, могла удивить детей новой сказкой, песенкой, шутками. И часто рассказывала им « про лютого врага, который приходил однажды, но его не добились, кока-то «злая революцца» помешала, а он опять возвратился со страшной силою». А в конце приговаривала: « Ивана русского никто не закабалит». Уж, очень им нравились такие рассказы.

## Глава 6.

### Страшные годы.

Генрих обо всём этом узнает потом, когда на лесоповале познакомится с Марьей. Разве мог он предполагать, что здесь, в дремучей тайге, встретит такую женщину? На родине у него была невеста, Филиппина. Свадьба была назначена на конец сентября 1941-го, но война перепутала все планы. Он не знал, что стало с семьёй Филиппины, куда их депортировали. Пока он находился в трудармии, поиски вести было запрещено.

Позднее, уже в 1956-м году, он разыщет своих родителей, которые так и проживали в депортации на Алтае. От них он узнает, что родители Филиппины живут тоже на Алтае, недалеко от них, в селе Лосиха, что Филиппину в 1942-м году тоже мобилизовали в женскую колонну под Магнитогорск, где она умерла от голода и изнурительного труда в 1943-м году.

Генрих часто вспоминал кошмарные годы трудармии, как они выжили? – один Бог знал и видел их муки. А как могли выстоять и остаться в живых хрупкие девчонки, молодые женщины? Где ещё, в какой стране, можно так ненавидеть свой народ и проводить над ним такие ужасные эксперименты? Как можно преследовать и уничтожать только за то, что ты немец, чеченец, татарин, осетин, литовец? Сколько народа было переселено на Урал, в Казахстан, на Алтай, в Сибирь, в Коми, на Колыму и Соловки? Был явный геноцид своего народа. В каких головах зарождались такие планы? Даже после победы народ продолжали гонять по стране, по поселениям, не давая шанса вернуться на родину, соединиться с семьями, опять прикрывшись указом «без права возврата на родину». Так и пришлось многим осесть там, откуда не было возможности вернуться, увидеться с родными. Стали обзаводиться семьями, но «без права регистрации брака». Рождались дети тоже бесправные и тоже, как их отцы, считались репрессированными, нося фамилии матерей. Только в 1956-м году разрешили регистрировать браки и переписать детей на фамилии отцов.

## Глава 7.

### Москва.

В Москву поезд прибыл утром, а на Пермь отправлялся в час ночи. И, хотя у Генриха было здесь много знакомых, к кому можно было съездить и немного пообщаться, он решил погулять по Москве. На экскурсионном автобусе прокатился на Ленинские Горы, проехал по Золотому кольцу Москвы, по Арбату прогулялся пешком, съездил на набережную, а ближе к вечеру отправился в кино. Выйдя из кинотеатра, Генрих отправился на Казанский вокзал пешком. До поезда оставалось ещё два часа. По пути он зашёл в кафе немного перекусить. В небольшом, уютном зале стояло несколько

столиков, накрытых ромбами бело-красных скатертей. Такого же цвета свисали на окнах портьеры. В правом переднем углу разместилась небольшая сцена для ансамбля и певца, а слева висел белый киноэкран.

Генрих заказал лёгкий ужин, который принесли сразу, без долгих ожиданий. Это ему понравилось. Значит обслуживание на высоте, и хозяин дорожит этой точкой, расположенной на выгодном месте... Экран загорелся цветным фоном, поплыла лёгкая мелодия и начался показ фильма. Генрих как раз сидел лицом к экрану. Фильм был документальный. Демонстрировали преуспевающую Европу с возрождёнными после войны городами с чистыми скверами, парками, дымящимися заводами, уютными улочками и довольными гражданами. Генрих подумал о том, что ещё год назад этот фильм не показали бы, а теперь, после падения СССР, стало возможным демонстрировать фильмы даже в кафе. Конечно, европейские страны намного меньше России, богаче, привлекли другие страны и поэтому быстрее справились с восстановлением своих разрушенных войной городов и селений. Россия больше пострадала и территория огромная, да и после войны мало мужской силы вернулось, всё повисло на женские плечи и плечи подростков. Нужно было время, чтобы выросло новое поколение и тогда дело пойдёт быстрее. В России сильный духом народ, мужественно переносил все послевоенные тяготы. Справятся постепенно. Вечер пролетел незаметно. Теперь предстояла дорога в Пермь. Генрих вошёл в купе, разделся и присел на своё место внизу, опять у окна. Лёгкая тревога прошла по сердцу и притаилась, ненадолго, где-то в глубине.

## Глава 8.

### Депортация.

В Перми он будет рано утром, значит, ночь пройдёт опять в воспоминаниях и раздумьях, которые уже поселились в его голове надолго и поглотили его целиком. Чем ближе он продвигался к местам тех событий, тем чётче и ярче события всплывали одно за другим.

Ему ясно представился день 22 июня 1941 года, когда объявили начало войны, и тот день, 30 августа, когда был издан Указ о выселении всего немецкого народа из Республики немцев Поволжья, и тот роковой день, третьего сентября 1941 года, когда в их дом вошли солдаты и приказали собираться. На все сборы дали двое суток: взять багаж до пятисот килограммов на семью и добираться подводами на железнодорожную станцию. Никто им ничего не объяснил. Как собираться? Зачем? Куда везут? А дом, хозяйство на кого бросить? Страх в глазах отца и мамы Генрих видел даже сейчас.

Воспоминания плыли потоком, он словно видел какое-то кошмарное кино. Вот он бежит во двор и запрягает лошадь в телегу. Отец складывает какой-то инвентарь, ящики с мукой, зерном. По двору бегают куры, мешаясь под ногами. В хлеву мычит ещё не доеная корова. Мама, плача и молясь, запихивает в узлы вещи, продукты и посуду. Хорошо, что у них не было уже маленьких детей, старшие были женаты и жили своими семьями. - «Как они там? Их тоже выселяют? Как они с малыми детьми? Надо бы сбегать к ним, помочь», - волновалась мать, глядя на солдат. Но солдаты поторапливали и не разрешили разбежаться.

К ночи следующего дня они добрались до станции Красный Кут. На перроне уже было много народу, негде приткнуться. Им приказали разгрузиться прямо на землю. Лошадь с телегой забрали и увели. Народ шумел, галдел, плакали женщины и дети. Кто-то тихо сказал, что просто идёт эвакуация населения, что фашисты быстро продвигаются вглубь страны и могут захватить эту территорию вместе с народом. А народ-то здесь проживал в основном немцы. Вроде, как и свои, советские, но всё могут натворить при виде тех немцев. Возможно и пособничество во время оккупации этой республики Немцев Поволжья, поэтому решили увезти народ подальше в Сибирь, на Алтай и в Казахстан. Но

крики, плач и ругань не прекращались весь день в ожидании поезда. Его не было и ночью, не было и утром и не было весь следующий день. Люди вымотались от суеты, жажды и неустроенности. Самой страшной бедой была безысходность их положения. Их, как скот, ведущий на убой, согнали на маленький привокзальный перрон, окружили солдатами и томили двое суток.



Депортация немцев на Восток.

Только к ночи вторых суток подошёл товарный состав из тринадцати вагонов – «телятников» и началась погрузка. Это было таким кошмаром, что его нельзя забыть даже через сотню лет. Люди старались попасть в вагоны со своими родственниками и своими близкими, но это плохо получалось. Некоторые семьи были разделены и они попали в разные вагоны. Успокоились лишь тем, что по прибытии в пункт назначения, они снова могли соединиться. Но их высаживали в разных пунктах по вагону и люди вообще теряли родных. Разбираться никто не хотел, за каждое возражение и пререкание люди жестоко избивались конвойными. Их унижали, оскорбляли и обзывали «врагами», «проклятой немчурой», «фрицами», что везут их на смерть в Сибирь и на Урал, что больше свою родину они не увидят даже во сне. Такая правда оказалась настоящим испытанием на годы.

## Глава 9.

## Алтай.

Прибыли поздно вечером. Несколько семей высадили на станции Косиха. Разместили их в школе. Уставшие, голодные, задёранные в дороге, они снопами падали на пол и засыпали. Утром их расселили по пустующим домам и в одинокие семьи. Семье отца Генриха дома не досталось. Их подселили к школьной уборщице Дусе. Это была ещё



молодая, приятной внешности и с тихим, щебечущим голосом женщина лет сорока пяти. У неё муж погиб на финской войне, а два сына – погодка уже где-то воевали, писем пока не было. Она как-то сразу разобралась, что это свои люди, «эвакуированные».

- «Ну, и что же, что немцы, свои ведь, советские. Вон, уже и белорусы и украинцы сами набежали, никто их не сопровождал. Всем места хватит,» - приговаривала Дуся. Она по вечерам уходила мыть полы в школу, а рано утром уходила топить печи.

Мать Генриха постепенно успокоилась и начала разбирать вещи. Отец с Генрихом ушли в правление устраиваться на работу. Переделать колхоза – Пухов Иван Силуанович, принял их доброжелательно, обрадовавшись, что Генрих тракторист. Якобу, отцу Генриха, дали место конюха на конбазе, а Генриха зачислили в тракторную бригаду. По дороге домой, они весело обсуждали эти радостные события. Зашли на базу МТС. Познакомились с рабочими, поговорили. Бригадир велел Генриху выходить на работу сразу же на следующий день. Такими весёлыми они и вошли в дом. Анна очень обрадовалась, что её мужчин приняли на работу «на хорошие места», как гордо высказалась она.

Зима выдалась очень суровой. Дуся говорила, что давно такой зимы не было. Морозы протрещали весь декабрь и январь, с небольшими перерывами на метели и лёгкие потепления. Зато в морозные дни огромное холодное солнце, бледно – оранжевое, в снежно – кружевной дымке, так низко зависало над селом, что можно было на нём разглядеть пятна, похожие на диковенных зверушек. Генрих допоздна задерживался на МТС, но это его несколько не огорчало. Ему нравилась работа, уважение бригады за его хорошие знания техники. Бригада готовила технику к весенней посевной.

Отец тоже был доволен работой. Его конный «парк» состоял из двадцати трудовых, тягловых коней. За ними нужно было убирать, три раза дать овёс, сено и воду. Но Якобу ещё очень нравилось их расчёсывать и приглаживать им бока щёткой. Они умиленно стояли и, слегка подрагивая, слушали, радостно шевеля ушами и хвостом.

Так прошла зима. Наступила весна. К середине апреля оттаяли и прогрелись все поля. Прилетели грачи, скворцы. Бригада Генриха вышла в поле на вспашку. Где-то грохотала война, а им предстояло провести посевную. Генрих обращался в военкомат с просьбой отправить его на войну, но немцев категорически запретили призывать на войну. Вышел указ о снятии со всех фронтов советских немцев - солдат и офицеров и отправлять в трудовые колонны.

В конце апреля пришла повестка отцу. Дома мать подняла плач:

-« Куда Якоб тебя забирают? Ведь тебе уже пятьдесят». Отец сходил в военный стол и узнал, что его и ещё человек двадцать забирают в трудовую колонну в Челябинск. Ничего не поделаешь, надо собираться. Мать, беспрестанно утирая фартуком мокрые глаза, готовила котомку новобранцу. Напекла калачи, отварила картошку. Дуся принесла бутылку молока и несколько штук яиц, которые купила у соседки.

Вечером посидели все вместе за ужином, поговорили, поплакали каждый о своём и отправились спать. Утром Дуся, уже истопив печи в школе, прибежала проводить постояльца. Перед дорогой присели на сундук, стоявший у дверей и служивший лавочкой. Потом тихо пошли на станцию. Там уже стояло несколько групп новобранцев с провожающими. Отец как-то виновато посмотрел на мать и, опустив глаза, произнёс:

- « Прости меня, Анна, за всё, что было, за то, что не смог соединить семьи сыновей. Где они? Когда мы их найдём? Наверное, и Отто и Рудольфа тоже заберут в колонны. У них же малые дети... Могли бы работать и здесь. Но, воля не наша... Живите как-то, обживайтесь... Обо мне не переживайте, я напишу, как прибуду на место. Прощайте».

Мать уже не плакала. Она только тихо прошептала:

- «Иди Якоб с Богом. За нас не переживай».

Отец обнял Генриха, похлопал его по плечу и пошёл к вагону. Через несколько минут поезд ушёл.

Дома мать слегла. Она пролежала несколько дней, ничего не взяв в рот, только пила воду и смотрела в окно, которое находилось на уровне кровати. Она думала о том, как они хорошо, дружно прожили с Якобом. Никогда не разлучались. Вырастили троих сыновей, выучили их, двоих женили. Жили в достатке. Трудились спозаранок. Семья в селе считалась крепкой и примерной. Анна слыла отличной хозяйкой. Всё у неё всегда было на месте, чистота в доме. Все обшиты, обвязаны. По выходным и в праздники от их дома на несколько метров разносился аппетитный запах выпечки. Она всегда всех угощала своими постряпушками. Сейчас она тяжело переживала эту вынужденную разлуку. Сколько она продлится? Как они её переживут? Хорошо то, что она не одна осталась. Рядом их младшенький, Генрих. Какой он у них особенный: высокий, с огненно-рыжей шапкой волос, с небесно-голубыми глазами и милыми ямочками на щеках. Якоб говорил, что дед у него был такой. «Странно. Двое блондины, а этот рыжий», - опять подумала Анна и улыбнулась.

## Глава 10.

### Важные новости.

Она поднялась с кровати, заглянула в зеркало и отправилась готовить ужин. Впервые, за неделю, она почувствовала себя лучше. Генрих сутками пропадал в поле. Война не предвещала быстрого конца. Бои за Москву закончились и Красная армия погнала фашистов на Запад, которые уже заняли Украину, Белоруссию, Крым, часть Кавказа. Они взяли в кольцо Ленинград и создали ему блокаду, чтобы выморить оставшийся там народ голодом. Сводки информбюро были скупыми и короткими. Дусе, наконец, пришло письмо от младшего сына. Он писал, что находится на срочных курсах разведчиков в Москве. Домой, скорее всего, непустят. О старшем брате упомянул, что тот служит в артиллерии и их части бьются под Рязанью. Дуся несколько раз прочитала письмо сына вслух и всё плакала от радости и целовала письмо. Анна и Генрих очень были рады за неё.

Через три недели после отправки пришло письмо от отца. Он писал, что их поселили в бараках на окраине Челябинска. Натолкали под потолок, человек по двести, что бараки охраняются и их на работу водят под конвоем. Ещё стоят холода, а им не выдают тёплой одежды, и он пожалел, что не взял с собой тёплые вещи. Работают они на рытье котлована под строительство новых цехов для металлургического завода. Это было первое и последнее его письмо. Больше от него вестей не было. Их всех лишили переписки. Анна выменяла свою красивую кофточку и нарядный кашемировый платок на пряжу и связала пару носков, рукавицы и свитер. Генрих отправил посылку по тому адресу, который был указан на конверте. Ответа не было.

- «Получил ли отец посылку?» - задумчиво спрашивала мать.

Конечно же, посылку он не получил. Зачем этому «врагу народа» ещё тёплые вещи? Он должен медленно умирать от холода и голода. «Врагов» много, надо всех истребить непосильным трудом. Добивали их и несносные вши, которые поселились не только в головах, но и в одежде, в соломе, на которой они спали на нарах. В баню водили один раз в две недели. Одежду их пропаривали в вошебойках. Но от голода и антисанитарии в бараках вши атаковали бесперебойно. У многих расплзались по телу нарывы и коросты.

# Трудармия для советских немцев



Внутри барака.

Косили народ и коварные болезни. Каждое утро выносили из каждого барака по два-три умерших за ночь трудармейцев. На весь барак стояли всего две печки, сваренные из бочек и топились сырыми дровами, от которых совсем не было тепла, а только копоть и удушающий дым, который синим туманом простирался по всему бараку и разъедал глаза. Люди задыхались и всю ночь кашляли. Спать ложились одетыми и по двое, волею, чтобы теплее было. На верхнем ярусе было теплее, и все старались после смены быстрее впахнуться в барак и занять верхние нары. Кому доставались нижние, те к утру примерзали к стенам и доскам. Утром, так и не оттаявшие, холодные, сырые шли на работу. Рабочий день длился по 14-16 часов, в зависимости от того, где находилось рабочее место. Перерыв - полчаса на обед, который состоял из гороховой или перловой баланды, или ухи из тухлой рыбы. От такой еды воротило и тошнило, болели животы, но есть надо было, иначе свалишься с ног, потом и этого не получишь. Заболевших здесь не кормили. Друзья делились своим пайком. Но отец Генриха выжил, и в 1951 году вернулся к матери на Алтай.



Бараки для немцев на Урале.

Генриху повезло меньше. Он из «трудармии» был отправлен в Молотовскую область, на спецпоселение, на самый северный Урал, где через сто вёрст начиналась лесотундра, а через триста – Белое море. Ничего, они прижились. Поначалу, народ шарахался от них, ругались матерными словами, камнями кидали, плевали. Но постепенно до всех местных доводили информацию, что это за немцы, откуда они взялись в Советском Союзе. Народ стал относиться дружелюбнее. Некоторые с шуткой поговаривали:

- «Энти фрицы дюжа работяшие, всё у них как-то ладно получатся, всё умеют, даже скоко нового показали, чё народ не видывал». Например, они соорудили драночный станок, дранку шепать для оштукатуривания изб. Ведь, в деревне ни одна изба не была оштукатурена.

- «А как оно делается? И пошто стены марать? Их бабы по праздникам мыли с мылом и развешивали украшения. Любо и дивно!»

Но, уж, если телятнице Моте оштукатурили немцы стены и побелили, то тут и всем надо стало. И пошла работа. А маслобойки какие сварганили!? Одному сделали и все побежали заказывать.

- «Вот, ить, какая нужная штукеренция! Ну, и немчура головастая!»

А к зиме 1946 года всех немцев разобрали на постой, а некоторые и женились.

## Глава 12.

## Пермь.

Эти весёлые воспоминания подняли дух и настроение Генриха. Но спать он всё-таки лёг.

Пермь встретила его утренней прохладой. Надев лёгкую ветровку, Генрих отправился через здание вокзала на привокзальную площадь. Там он сел в свободное «такси» и отправился в Управление завода. Его встретили тёплыми рукопожатиями и проводили в кафе перекусить. До начала заседания оставалось несколько минут. Всем понравилось то, что Генрих свободно, хотя с лёгким акцентом, говорил на русском языке. Это



расковывало обстановку и не требовало перевода. Никто не знал и не догадывался, что он бывший советский немец из Поволжья.



Осень на Урале.

Три дня заседаний, согласований, подписание договоров, бесед с рабочими, обмен опытом и экскурсий по заводу и городу пролетели быстро. Красота осеннего Урала заворожила Генриха. С Камского моста он любовался бескрайним пейзажем, над которым проплывал лёгкий, а местами ещё довольно густой туман.

Генрих заранее обратился в органы МВД с запросом о месте проживания Марьюшки. В конце третьего дня он зашёл за нужной информацией. Ему выдали справку, где значилось, что Мария последнее время проживала уже в самой Перми, но недавно она скончалась. Но по тому адресу проживала её дочь, Галина. Генрих почувствовал, как по всему телу прошёлся сильный жар, будто его обдали кипятком. Пот выступил на его лбу и висках. Он медленно вышел на улицу и присел на скамью. Через несколько минут его уже охладил северный ветер, который влезал во все возможные места, где было доступно. Генрих поднялся со скамьи и прошёл на остановку троллейбуса. Он спросил у стоявших женщин, как ему доехать до нужной ему улицы. И, оказалось, что им по пути. Они вместе вошли в салон троллейбуса и сели почти рядом. Женщины были общительные и, видя, что мужчина не из местных, да и одет не по здешнему, стали расспрашивать его: откуда он приехал и к кому. Генрих коротко рассказал им свою историю, цель визита и о предстоящей встрече с дочерью. Женщины очень внимательно его слушали и, тихо вздыхая, кивали головами. Одна даже сказала, что в их доме тоже проживают поволжские немцы, но она не знала, что они были депортированы, что очень хорошие соседи. Доехав до остановки, женщины объяснили Генриху, как пройти ему на нужную улицу. Он быстро сориентировался и, пройдя по переходу на другую сторону улицы, повернув за угол, вышел к дому, где его никто не ждал. Дом был четырёхэтажный, старой постройки, видимо ещё сталинской эпохи, это видно было по кладке и орнаменту, присущему тем временам. Все стены и двери дома были ярко «расписаны» малолетними художниками. Генрих тепло улыбнулся.



На четвёртый этаж Генрих поднимался, будто с мешком цемента на спине. Каждая ступенька отдавалась в голове, как удар молотом. Сердце не слушалось, стучало всё чаще и беспокойно, казалось, что вот-вот выпрыгнет из груди. Поднявшись на площадку четвёртого этажа, ему совсем стало плохо. Он позвонил в двери и присел на ступеньку. Двери никто не открыл. Генрих позвонил ещё раз. Опять тишина. Нечаянно надавив на двери, они тихонько приоткрылись. Генрих заглянул в проём и осторожно вошёл. В прихожей было темно и тихо. Нащупав выключатель, Генрих включил свет. Затем он спросил:

-«Есть кто-то дома?» Но в ответ опять тишина.

Он медленно прошёл в первую комнату. Чисто, уютно, но никого. Прощёл в другую комнату, поменьше. Там было темно, но Генрих показалось, что там кто-то есть. В этой комнате стоял стойкий, насыщенный запах лекарств и втираний. Было очень душно и жарко. От лившегося из коридора света, Генрих различил инвалидное кресло, стоящее к нему спинкой. В кресле спала женщина, укрытая клетчатым пледом. Он услышал её тяжёлое дыхание и лёгкий запах алкоголя. Генрих включил свет. Лампочка горела самого низкого накала, что трудно было что-то различить.

«Почему в комнате больного человека такой жуткий свет?»- подумал Генрих.

Через несколько минут женщина проснулась. Она поняла, что кто-то есть в комнате, и повернула голову в сторону Генриха. И, хотя в комнате был полумрак, он увидел большие, совсем белые глаза, которые смотрели на него. Ему стало не по себе. У него пересохло во рту, он не знал, что делать и как себя вести. Он понял, что она слепая и совсем не видит его. Женщина спросила грубым, хриплым голосом:

-«Ну, кто такой? Почему не знаю? Чего надо?»



Галина до трагедии.(Фото из семейного архива).

Наконец, Генрих пришёл в себя и стал разглядывать женщину. Это была почти старуха. Седые космы свисали на лицо, которое ещё имело былую привлекательность. Тонкий, с горбинкой нос, тонкие красивые губы и милые ямочки на щеках. На красивой шее свисали янтарные бусы. Когда она приоткрыла плед, он разглядел нежную, ажурную кофточку,

которая украшала её пышную грудь. «Да, если её причесать, нанести макияж, то это будет просто красавица,- размышлял Генрих, -но почему такие страшные глаза»? И он, придвинув поближе рядом стоящий стул, сел напротив её. Он сразу спросил:

- «Вас зовут Галина?»

Она подняла своё красивое лицо, убрала за уши свисавшие волосы и ответила вопросом:

- «А как Вы догадались? Вы знаете меня?»

Генрих совсем осмелел:

- «Да, дорогая моя, я узнал тебя. Я твой отец».

Минута молчания. Затем она выпрямила спину и, придвинув вплотную лицо, тихо, но зло проговорила:

- «Ну, и что папаша, рассказывай, где ты шляется столько лет? Почему не интересовался раньше, как мы выживали, как мы скитались? Как страдали от голода? Как болела мама?»

## Глава 14.

### Семья Марьюшки.

Марьюшка, в тот год, как умерла свекровь, а Валюшка закончила семь классов, по приглашению старшей своей сестры Варвары, перебралась с детьми в Пермь. Но у сестры не нашлось для них места, своя орава, и они поселились в маленьком, покосившемся домике на Мулянке, у милой, доброй старушки. Марья устроилась в детские ясли нянечкой, Валюшка поступила в строительное училище, Василиса пошла в седьмой класс, Коля в третий, а маленькую Галинку пристроили в те же ясли, где работала Марья. Жили тихо, скромно. Конечно, не хватало даже на еду, а четверых надо ещё и одеть, за постой уплатить доброму человеку.

Марья стала подрабатывать ещё истопником и сторожем в тех же яслях. Глухим вечером Валюшка прибегала к маме, чтобы забрать припрятанную еду, которая оставалась от кормления детей. Этим они ужинали. Иногда хозяйка прощала им долг, видя, что дети раздетые и деньги нужны на одежду. Весной они дружно вскапывали огород, засаживали овощами и всё лето ухаживали за посадками. Знаний и сноровки им не занимать, они же деревенские и ко всему приучены с малолетства. Хозяйка хвалила Марью за хорошее воспитание детей.

- «Вот, ить, одна, вдовая, а всё у тибя ладно – складно: и шить, и вязать, и хлеб спечь, и дети послушные. Но, вот трое, вижу от одного, все похожи, а энта, Галинка, словно от огня – и рыжа, и горяча, и шустра. Одно дивно – каки ямочки на щоках. Как бы не нашкодила, а глянешь на ямочки – и ругать не охота, спасают её».

Марья молчала, только смахивала текущую по щеке слезу, и тихо отвечала:

- «Баба Груня, я Вам всё когда-нибудь расскажу, пока не время». А время шло своим чередом, даже летело. Незаметно подросли дети. Валюшка окончила строительное училище, стала штукатуром – каменщиком. Устроилась на стройку. Целый год она помогала маме одевать и кормить своих сестёр и брата. За постой отдавали вовремя. Баба Груня складывала деньги в платочек и прятала в сундучок, кованный красивыми жестяными планками. Василиса училась третий год в медицинском училище и вечерами дежурила в военном госпитале, подрабатывала, да и навыки нужны были. Коля учился в шестом классе. Учёба ему давалась с трудом. Не любил он алгебру, пение и немецкий. Он всё возмущался:

- « Как можно складывать примеры на буквах? Кто такое придумал? Закопать того умника. А как можно песни петь, когда постоянно хочется есть? И зачем мне этот вражеский язык учить, когда немцы убили моего отца, которого я так и ни разу не увидел? Но учиться надо. Уже последний год и пойду в ремесленное училище, на столяра». Он очень любил работать с деревом. Строгал, выжигал, вырезал всякие игрушки и раздаривал детишкам во дворе. Всех снабдил деревянными ружьями, шашками, конями, пистолетами и бегал вместе с ними все вечера. Дерево просто пело в его руках, само

просилось в руки. Он так ловко проделывал все манипуляции с ним, что иногда сам удивлялся, как это получалось. Марья ему не перечила. Она любовалась его поделками: картины развешивала по стенам, статуэтки выставляла на старенький комод. Иногда смахнёт слезу и подумает: «вот бы Миша полюбовался сыночком, какой он у них получился мастеровитый».

## Глава 15.

### **Несчастливая любовь.**

Генрих сидел, низко опустив голову, и не знал, как и с чего начать рассказ, чтобы Галинка поняла всю ситуацию того времени, в котором оказались они с Марьей, и не обиделась, что ему пришлось на много лет оставить их.

- «Галинка, дорогая моя дочь, выслушай меня спокойно», - он поближе придвинул стул к её креслу, тихо обнял её за плечи. Она не отодвинулась. Запах его одеколона нежно щекотал нос. Она подумала: «какой он интеллигентный и внимательный. Наверное, и одет изысканно. Не похоже, что бродяга и пропойца». А вслух проговорила:

- «Ну, чего молчим? Давай рассказывай».

Галинка не была такой жёсткой, ей просто хотелось казаться независимой и сильной, чтобы никто её не жалел и не давал ей возможности жалеть самой себя, чтобы не размазаться по стенке от боли и одиночества. И она была сильной. А грубость с посторонними давала ей эти силы. Но палку она не перегибала. Могла быть гибкой и даже вежливой. Генрих всё молчал. Галинка слегка улыбнулась, повернула к нему свои белые глаза и прошептала:

- «Ну, папочка, не стесняйся, начинай уж как-то свою былинку, время идёт. Я не буду мешать и постараюсь понять тебя».

Больше часа Генрих рассказывал о своём родном Поволжье, как они жили там до войны, о родителях, о том, что им всем выпало пережить во время войны, через что пройти, как потом он оказался в их деревне Писаной, где встретил Марью. Как они полюбили друг друга, как, сидя под ёлками, в снегу, им было вдвоём тепло. Как летом убегали за Писаные камни к озеру и купались там. Они по - настоящему были счастливы. Расставаться уже не хотелось и не могли. Они уже подумывали о совместной жизни. Но свекровь, бабка Васса, узнав про «гулянки» снохи, залетовала. Она стала ругать Марью, укорять в «изменах Мише», который «погиб от этих немчуров заради своих детей и жены», что это-де такие же фашисты и их будут скоро вывозить отсюда. Марья ничего не желала слушать и вечерами убегала к своему любимому Генриху. Свекровь стала бить её, грозила выгнать из дому, а детей в детдом отдать. Но и это не остановило Марью. Но кто-то подучил безграмотную, но суровую бабку Вассу, съездить в город, в комендатуру, и пожаловаться на «фрица», что он кружит голову вдове с тремя детьми, что не даёт ей проходу и сбивает с толку. Это она и сделала. Марье сказала, что едет-де в город с обозниками за «одеждой для детей и гостинцами». Не прошло и недели, как Генриха перевели на другой участок. Это был спецпосёлок Мутиха. А что ему было выбирать? Спецпоселенцы были подневольные и бесправные. Его планы на семейную жизнь коменданта не интересовали, а то, что «этот немец посмел дурачить вдову погибшего офицера, надо его наказать». Но наказали не только его, но и Марьюшку. Её судьба была не в счёт. Её понять никто не захотел, она тоже страдала. Генрих тяжело вздохнул и замолчал.

## Глава 16.

### **Непростая ситуация.**

Галинка, воспользовавшись паузой, волнуясь, попросила теперь послушать рассказ матери. Марьюшка уже тяжело была больна, и понимая, что уходит навечно, а Галинке исполнилось пятнадцать, решила поведать ей об отце.

-«Через месяц нашего расставания я почувствовала толчок под сердцем. Это остался живой кусочек от нашей любви с Генрихом!.. Как я радовалась! Как передать Генриху, что у нас будет ребёнок? Где он, как ему там живётся без меня? Но, вдруг, меня осенили и другие мысли: «если нам не дадут сойтись, то ребёнок будет большим позором для меня, возненавидят в деревне, будут считать «поганой, гулящей бабой». Стыд-то, позор какой... Я никому ничего не сказала. На другой день отпросилась на Стрелку, к лекарю, сославшись на зубную боль. Запрягла лошадь в сани и уехала рано поутру. Лекарь осмотрел меня и порадовался, что появится новый человек. Но я расплакалась и всё ему рассказала. Он тоже был из немцев, Шрем Отто Карлович, тоже подневольный, но пообещал ей, когда поедет на Мутиху за лекарствами, то разыщет там Генриха и всё ему расскажет. Но не получилось узнать Генриху добрую, за все тяжёлые годы, новость. Фельдшер Шрем, подъезжая к Мутихе, попал в полынью и утонул.

Я об этом не знала, я доверяла Отто Карловичу. Время шло. Генрих не давал о себе знать. Я волновалась не на шутку. Скоро живот будет заметно, что мне делать? Пошла в сельсовет. Там я узнала о гибели Отто Карловича. Помочь мне в отношении Генриха отказались, объяснив ей, что «с немцами разбирается только комендант», посоветовали ехать в город. Всю ночь я не спала, всё думала, как буду добираться до города, что скажу коменданту и как он поёрничает надо мной. На беду целую неделю мели метели, перемело все дороги. Из избы хоть не выходи, унесёт за несколько метров. Закончились метели, затрещали лютые морозы. Так я и не смогла съездить к коменданту. Каждый месяц комендант приезжал в деревню с проверкой и отмечать поселенцев, но я не посмела подойти к нему при всех. Потихоньку я начала привыкать к своей безысходной ситуации, смирилась с судьбой, решив, что Генрих бросил меня. Но однажды комендант сам заехал к нам домой. Все всполошились, сильно его боялись, уж очень был крут. Но он сказал мне, что сообщит Генриху сам о её положении, но обратно не переведёт его. Это наказание. У меня же появилась надежда на встречу».

Но... Пришла весна. Солнце поднялось высоко и щедро обогревало всех и всё. Небо тоже поднялось и, перекатывая весенними ветерками лёгкие, кудрявые облака, просто сияло такой голубизной, что больно было глазам. Тайга преобразилась, ожила, зазеленела ярким изумрудом, распуская резкий, терпкий запах смолы. Приятно пахло талым снегом и прелью. Появились первые проталинки на лугах и полях. Прилетели грачи и скворцы, которые опять поселились в тех же скворечниках и вили гнёзда.

Невольно Марья подумала, что даже птицы живут парами, а она опять одна. Что сотворила свекровь? Кому от этого лучше? Был бы у меня сейчас муж, пусть немного моложе её, а детям, пусть не родной, но отец. И что-то по дому бы столярничал, помогал по хозяйству, вечерами сидели бы все вместе за чаем и вели разговоры. Немцы уже показали себя только с хорошей стороны: работающие, аккуратные, вежливые, смекалистые. Уже несколько семей создали. Бабы даже их предпочитали своим сельчанам. Ну и что, что немец. Он тоже хлебнул лиха, какой он фашист? Он не воевал. И что свекровь взъелась, чего озверела? Миша погиб, царство ему небесное, а мне, как-то жить надо, детей поднимать... Ох, судьбинушка, окаянная»...

## Глава 17.

### Вынужденный переезд.

В конце апреля родилась Галинка. Она была пампушкой, а волосы огненно-красные, как у Генриха! И эти чудесные, весёлые ямочки на щеках! Копия – Генрих! Но как

отнесутся в деревне люди? Что будут говорить, о чём судачить? Свекровь даже не взглянула на ребёнка. Ушла за печь и там разрыдалась, приговаривая:

- «Прижила немчурёнка, проходу не дадут ни тебе, ни дитю...а мне што сказывать людям? Позор-от какой, на всю деревню...как из избы-то выходить?.. Дурында ты этакая, память о Мише замарала, опозорила весь наш род, шалапутная... Съезжай из избы моей, иди куды хошь, подстилка немецкая...» Она долго ещё причитала и выла.

Прошла неделя. Васса косилась на сноху и не разговаривала с ней.

Марья пошла в сельсовет и попросила перевести её в другой посёлок, подальше отсюда.

Перевод дали на Ваю, шестьдесят километров на север от деревни Писаной. Никто в деревне ей даже не посочувствовал. На следующий день брат свекрови, Иван Андреич, увёз Марью с детьми на новое место. Там им выделили пустой дом на окраине посёлка. Дом был небольшой, но добротный и тёплый. Привезли им телегу дров, вспахали огород и дали тёлочку с фермы. Марья не ожидала такого отношения от незнакомых людей, она ждала худшего. Но здесь председатель сельсовета был из бывших фронтовиков и всё об этой семье знал. Он понимал, как вдове жилось без поддержки, что Михаила считали без вести пропавшим, а что дитё родила от спецпоселенца, так она молодая, полюбила. А немец тоже человек и хотел семью, но злые люди отняли право на счастье. Да и поднимать ребёнка не им, а ей самой, пусть на радость растёт.

Прожили они там два года. Хорошо жили. Вокруг были добрые, сердобольные люди. Никто Марью ребёнком не попрекал.

Но вот, явилась свекровь со своим братом и стала она Марью звать назад, в деревню. Даже на колени стала перед ней, прощенья просила, что-де сельчане заели её за то, что она «таку хорошу сноху согнала со двора, лютая зверина», что-де никто с ней не здороваются, что уже сил нет терпеть такое, да и здоровье подкачало. Но о том, что Генрих приезжал в деревню, что ему давали всего сутки повидаться с Марьей и дочкой, чтобы дать ей имя, и, возможно, потом разрешат им сойтись и жить совместно - свекровь умолчала. Также и ему она не сказала, что выгнала Марью с четырьмя детьми и не сказала куда они уехали, чтобы не дать быть им вместе.

Давила она на жалость Марьи, на все её слабые места, что Марья мягкого сердца и простит её и вернётся. Хитра старая. Марья молча слушала, а по щекам текли предательские слёзы. Потом она резко выскочила из избы и побежала в контору. Там всё обсказала председателю и написала заявление на расчёт и сдачу избы. Вернувшись, она велела детям собираться в дорогу. Погрузили свой незавидный скарб, привязали к телеге корову и тронулись в путь. Васса больше не скандалила. Её будто подменили. Галинку полюбила и всё время гоношилась с ней. Шила ей куклы, пела песни, плясала с ней. И никогда не упрекала, что Галинка не «ихняя», что рыжая, что «приблудная», как говорила раньше. Прожила Васса ещё два года.

## Глава 18.

### Судьба детей Марьи.

В тот год, когда представилась свекровь, а старшая дочь Валя закончила семилетку, Марья уехала в Пермь, к своей старшей сестре Варе. Марья много работала и подрабатывала, чтобы прокормить большую семью. Когда Валя и Василиса начали работать Марье стало полегше. Подработку она оставила. Но стала часто болеть. Мучили сильные головные боли. Она никогда не жаловалась и тихо переносила эти страдания. Помогала только распаренная трава дикого пиона – марьяна корня, из крупных семян



которого девчонки делали себе бусы. Марья не боялась смерти. Её огорчало то, что Галинка ещё «не на ногах». Валюшка уже была замужем, у неё подрастали две дочки. Василиса работала в госпитале операционной сестрой. Она тоже была замужем и жила с мужем в его доме. Николай работал в «Стройтресте». Вскоре и он обзавёлся семьёй. Семья его жила в семейном общежитии, ждали квартиру.

Галинка с Марьей жили в домике бабы Груни, которая после смерти оставила его им в наследство, да в придачу мешочек с деньгами, которые они платили ей за проживание. Галинка в тот год закончила восемь классов. Мама угасала. Василиса несколько раз клала её в госпиталь, сама ухаживала за ней, но болезнь не отступала. Потом признали онкологию желудка. Марья умерла на руках Василисы, в сорок восемь лет. За несколько дней до смерти она, собравшись с силами, рассказала всю историю её жизни и появления на свет рыжего «бесёнка». Ещё она попросила дочерей разыскать все сведения о Мише, об их отце, чтобы снять позор с него и с семьи «без вести пропавшего». Марью похоронили на северном кладбище под двумя берёзами.

После обращения Василисы в областной военкомат, ей сообщили номер воинской части, в которой служил отец в должности командира артиллерийского орудия. Она написала в Министерство обороны и в Военный архив. Оттуда пришли справки, где говорилось, что их отец погиб в сентябре 1941 года в боях под Ленинградом, похоронен в братской могиле. Также сообщили, что извещение о гибели было выслано в военкомат района на имя вдовы – Марьи Терентьевны. Но извещение «пропало», до них не дошло. Марья так и растила одна детей, никакой помощи не получала. И никто не проявил желания помочь безграмотной вдове в поисках извещения. Всего лишь надо было написать или съездить в районный военкомат. Все в деревне обвиняли племянника Вассы, Федота, в утаивании извещения, так как он работал в сельсовете и через него шли все бумаги. Может быть, назначенную пенсию на детей он сам и получал. Бог с ним.

## Глава 19.

### Судьба Генриха.

Генрих молчал. Все эти совершенно новые события, которые разворачивались без него, о которых он только что узнал от Галинки, невольно всё же выдавили слёзы. Он их не стеснялся, а Галинка не увидит. Но она по его вздохам и всхлипываниям поняла, что он плачет.

- «Не плачь, папа, всё позади. Ты уже седой и пожилой, мамы давно нет, я уже бабушка и, к тому же инвалид. Наверное, нет твоей вины, что так с мамой произошло и с нами. Ты сам был никто. Что ты мог изменить? Но, потом, когда времена изменились, где ты был, почему не искал нас?»

Генрих успокоился, собрался с мыслями и опять принялся рассказывать о своей дальнейшей жизни. После визита к бабке Вассе, от которой ничего хорошего он не услышал, только одни оскорбления, Генрих пошёл в сельсовет узнать, куда всё же переехала Марья. Но племянник Вассы - Федот, который тоже был против их брака, сказал, что Марья не велела никому говорить куда поехала, особенно Генриху, что она не желает больше его видеть, что через него у неё такие страдания. Что оставалось делать? Генрих побежал на речку, к переправе, и дико кричал от обиды на себя, на Вассу, на Федота, и на весь мир. Все оглядывались на его крики, думали, что парень умом тронулся. Вернувшись опять на Мутиху, он полностью замкнулся в себе. Он долго страдал, весь исхудал, не спал ночами, вечерами бродил у реки и плакал. Друзья не могли его утешить.

Осенью он написал прошение на перевод из этих мест «куда подальше». Его

перевели в Кизел, на строительство шахт. Там он работал, как зверь, выматываясь так, чтобы не было сил вспоминать и тосковать. Но, как говорят, время лечит.

Прошло четыре года. Генрих поступил на вечернее отделение Пермского машиностроительного техникума, благо Сталин уже почил, и немцам разрешили поступать в техникумы, даже некоторые из грамотных, имеющие образование, стали занимать руководящие должности. Из-под надзора немцев освободили в январе 1956 года. По окончании техникума он перевёлся работать на завод имени Свердлова в Перми. Знал бы он, что Марьюшка уже жила в то время в Перми. Но слова Марьюшки, верные или надуманные племянником Вассы, всё отдавались в его голове набатом. Он не решался идти против её воли. «Зачем лезть на рожон, если тебя не хотят видеть? Значит, Марьюшка смирилась со своим положением «униженной спецпоселенцем» вдовой, прокляла его», так подумал Генрих.

Он занялся поисками родителей. Нашёл их быстро, потому что они так и проживали в Косихе на Алтае, в местах их депортации с Волги. Отец уже вернулся из трудармии, ждали Генриха. И он решился поехать на Алтай. Но в Косихе было в основном сельское хозяйство, а Генрих хотел работать на заводе и по профессии инженера. Он уехал в Барнаул и устроился на завод «Трансмаш» старшим инженером. Дали комнату в общежитии. Прижился, легко влился в коллектив, никто даже словом не задел, что немец. Здесь же познакомился со сменным мастером Анной Брик, которая тоже была с Поволжья. Она была весёлой, умной и обаятельной девушкой. Генриху было с ней хорошо. Все вечера они проводили вместе: то шли в кино, то гуляли в парке, то засиживались в его кабинете над чертежами.

Вскоре они поженились. Генрих перебрался к жене, в семью её родителей. Они были очень интеллигентными и образованными людьми. Отец работал начальником отдела народного образования, а мама преподавала немецкий и французский языки в университете. Жили дружно. Вскоре на свет появились друг за другом три сыночка. Всех вырастили, выучили и дали им дорогу в большую жизнь. Старший Отто(назван в честь погибшего в трудармии дяди), живёт на Дальнем Востоке, служит на подлодке. Средний Рудольф( тоже назван в честь погибшего второго дяди), живёт в Америке. Оба имеют семьи, каждый год приезжают к ним в Германию на отдых. А младший, Эрих, художник, живёт не далеко от них, преподаёт живопись в художественной школе, ещё не женат. У Генриха уже четыре внука.

## Глава 20.

### Судьба Галинки.

Пока Генрих рассказывал о себе, он постоянно утирал со лба пот. Галинка всё молча прослушала и словом не обмолвилась. Она не знала о чём говорить, как, и надо ли? Но, всё-таки вымолвила:

- «Значит, у меня есть три брата? Здорово! Вот только я их не смогу увидеть!».

Генрих осторожно проговорил:

- « А как это случилось с тобой?»

Галинка вздохнула и, опустив низко голову, зарыдала. Слёз не было. Она давно уже плакала без слёз. Генрих обнял её за плечи и стал нежно успокаивать. Она прижалась к нему, словно ища защиту у него и, всхлипывая и утирая нос, начала свой рассказ.

« Случилось это двенадцать лет назад... Я работала продавцом в центральном Цуме. Отработала там десять лет заведующей отделом. Всё всегда у нас было нормально, все ревизии проходили гладко, без каких недоразумений. Но, когда директор магазина поставил свою дочь-недоучку товароведом, всё пошло наперекосяк. Она заставляла

выставлять на прилавок товар, не включенный в накладные, часто стали поступать просроченные продукты, всё чего-то крутила-вертела. Если кто возражал, то грозила увольнением. Мои просьбы не имели веса.

В общем, я не выдержала и решила перейти в другой магазин. Вместе со мной приняли такое решение и другие. Но она пригрозила ревизией, хотя так и положено, если кто-то увольняется. Перед ревизией, ночью, она вывезла часть товара и спрятала, об этом мы узнали несколько лет спустя. Естественно, у нас произошла крупная недостача. Но мы всё равно ушли. Потом был суд, всему отделу присудили выплатить по пять тысяч, на такие деньги тогда можно было автомобиль «Волгу» купить. А где я такие деньги заработаю? Не в магазине же, с моей честностью. Ну, и пришлось мне идти на кислотный завод. Там льготы, квартиры давали, зарплата приличная и премии, путёвки на курорты. Но, главное, поскорее рассчитаться с «недостачей». Рассчиталась за три года. Потом решила вернуться в торговлю.

А в последнюю мою смену произошла авария. Разорвало трубу, выходящую из резервуара с кислотой. Все, кто были рядом, получили различные ожоги, даже одна работница умерла. А мне попали только брызги на лицо и в глаза. Вот, весь результат на лице. Судили начальство, что не выдавали респираторы в ночную смену, думали ничего, никогда не случится. Много нашли нарушений и в механизмах и в оборудовании. За всё им попало. Но четверо остались инвалидами. Когда вывели меня на инвалидность, я не сидела дома. Работала на заводе общества слепых, собирала розетки, выключатели, потом клеила конверты, коробки для конфет для кондитерской фабрики. На маленькую пенсию не прожить. С мужем не заладилось, ушёл к другой. Сын Сергей категорически отказался от отца, остался со мной. Его надо было учить, одевать. Он живёт здесь, в другом районе, но часто заезжает, лекарство завозит, продукты, уборку делает, увозит стирку. Женится недавно. Работает на заводе имени Свердлова, собирает двигатели для самолётов. Ты тоже там работал. Готовлю себе я сама и мою посуду сама.

А ноги отказали два года назад. Меня сбила пьяная лихачка, из богатеньких. Перебит был таз и бедренные суставы. Операция не помогла. Выдали коляску. А её даже не судили, откупились родители. Приносили и мне деньги, но я не взяла, должны были её справедливо наказать. Но все продажные, честно работают немногие. У вас тоже такое творится? Вот и весь рассказ, короткая ещё у меня жизнь».

Галинка не плакала, только тяжело вздохнула.

- «Нет слёз, совсем не бывает, видно всё изъело кислотой»,-проговорила она.

Генрих был просто в шоке от такого рассказа. Его дочь пережила не меньше его. Как она держится, как она строга к себе. Конечно, только с таким характером можно не упасть и не погибнуть. В ней много было от него, видно гены передались. Тут она улыбнулась своими ямочками и сказала:

- « Уже два часа ночи, пошли чай хоть попьём. Надо же, гостя ничем не угостила.

Поехали».

И она ловко развернула коляску и покатила в кухню. Генрих посмотрел на часы. Действительно было два часа. «Как она исчисляет время?» Он хотел подойти к плите и зажечь газ, но она его мягко отодвинула и велела садиться за стол. Зажгла газ, поставила чайник и подъехала к холодильнику. Достала баночку варенья, розетку с мёдом, сыр и «краковскую» колбаску. Только попросила Генриха нарезать батон. В вазочке на столе лежали вафли, печенье и конфеты.

Чай пили молча. Они уже до того наговорились, что надолго хватит вспоминать и хотелось помолчать. Генрих всё же заговорил:

- « А поедem Галина со мной. Там тебе сделают операцию на суставы и ты опять будешь ходить. Вставят глазные протезы, будет красивее. Не раздумывай, соглашайся. Я всё сделаю для тебя».

Галинка молчала. Потом проговорила:

- « Надо мне подумать, всё взвесить и с сыном посоветоваться. Да и как меня перевезти? В поезд кто будет грузить?»

Но Генрих успокаивал её:

- « Не переживай Галина. Мы с сыном приедem на своём микроавтобусе своим ходом, без проблем доставим тебя на место. С больницей договоримся. Всё оплатим. После операции будешь реабилитацию проходить в санатории. Потом поживёшь у нас. Можешь и остаться, места хватит».

Но Галина сидела задумавшись. Всё её устраивало, но что-то в душе не давало согласия, какие-то сомнения пугали её.

-« Давай ложиться спать. Утро вечера мудренее. Знаешь такую пословицу? Ты когда уезжаешь? Завтра в пятнадцать? Ну и ладненько. Поспи, отдохни. А утром ещё всё обсудим. Постель возьми в комодe, в среднем ящике. Стели себе на диване, а я поеду в свою спальню на кровать. Я только там сплю или в кресле».

## Глава 21.

### Внук.

Проснулся Генрих в десять часов. Галинка сидела уже в кресле против него, и смотрела невидящими глазами на него. Пожелав ему доброго утра, она показала, где ванная и туалет, затем покатила в кухню. Оттуда пригласила его к завтраку. Приняв все процедуры и одевшись, он вошёл в кухню. На столе уже дышали паром румяные аладушки, в блюдецe была налита сметана, стояли две сверкающие чистотой кружки и сахарница. Генрих просто поражался скрытым возможностям Галинки, он не мог даже представить, как можно «видеть» такими глазами и всё делать без конфуза!..

- «Присаживайся, папочка, отведай мои аладушки. Как делаю тесто? Очень просто, как всегда. Всё у меня на своих местах находится, сын знает и не переставляет банки с продуктами. В холодильнике тоже свой порядок, не нарушаем. Вот и делаю всё по привычке. А как ещё? Наливай чай».

Генрих очень был рад за дочь, что никакие невзгоды не сломают её, что она так держится по героически, что всё-таки его кровь течёт в ней.

-«Внука бы увидеть, дочка».

—«Серёжу? А он в час приедет. Мясо и молоко привезёт. Вот и увидите».

После завтрака они ещё говорили про поездку Галинки в Германию. Обсудив все варианты, она согласилась только на одну операцию. Вскоре послышался щелчок замка в дверях. Это пришёл Серёжа. Когда он вбежал с пакетами в кухню и, увидев пожилого незнакомца, вначале растерялся, но придя в себя спросил мать:

- «Мама, кто это?»

Генрих поднялся со стула и пошёл навстречу внуку. Перед ним стоял высокий, стройный молодой человек с огненно-рыжей, густой шевелюрой. Он был повторением Генриха в молодости. И опять порадовали Генриха те же весёлые ямочки на щеках внука.

- « Да, сильна наша кровь, уже третье поколение рыжих с ямочками».

Он уже хотел представиться, но Галинка опередила его и бойко сказала:

- « Вот сынок, это твой дедушка. Приехал из Германии».

Серёжа потерял дар речи и только пролепетал:

- « Де...де...душка...»?

–«Да, я твой родной дед, а ты, значит, мой внук», - и Генрих подошёл поближе и обнял внука.

Глава 22.

### Прощание.

Снова сидели пили чай и говорили и говорили... Время неумолимо отсчитывало последние минуты их долгожданной встречи. Надо собираться в обратную дорогу. Генрих достал из дорожной сумки небольшой свёрток, развернул. Это были два красивых, лёгких, шёлковых шарфика – для Марьюшки и Галинки. Он подошёл к дочери и накинул один ей на плечи.

–«А второй подари сестре Василисе. Я помню её маленькой».

Серёже Генрих подарил свою бритву. Уже перед дверями он нагнулся к Галинке и, обняв её, крепко поцеловал.

–« Жди дочка. Скоро приедем за тобой, не волнуйся».

Серёжа вызвался отвезти деда на вокзал и проводить. По дороге они говорили о Серёже, его работе, о Германии, о новых родственниках и предстоящей поездке Галинки, возможно вместе с семьёй Сергея. Генрих с огромным восхищением смотрел на внука, он был доволен поездкой, что всё же они встретились и всё хорошо обошлось. У него было тепло и светло на душе. Подъехали за десять минут до отправки поезда. На перроне, перед вагоном ещё толпились провожающие. Генрих с внуком на пять минут застыли в объятьях. Это стояли двое, очень похожих, статных мужчин. Молодой - с красивой рыжей шевелюрой, а постарше – с такой же, но только уже седой, и с разницей в сорок пять лет.



Все фото, кроме Галины, взяты из Интернета. Спасибо авторам.

Сентябрь 2016г.